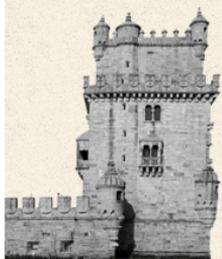

СЕРГЕЙ ГОРЯЙНОВ

ДОЯРКИН РЕЙС

**ИНТРИГИ
И ЛЮБОВЬ
— на каждый
см² текста!**

Сергей Геннадьевич Горяйнов

Дояркин рейс

Серия «RED. Современная литература»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68818404
Дояркин рейс: Эксмо; М;
ISBN 978-5-04-182452-5

Аннотация

Сплетение невероятных, смешных, грустных и неизменно увлекательных историй, которые пронизывают жизнь двух неординарных людей – Марьяны и Ивана. На протяжении своей работы и путешествий герои попадают в разные ситуации, где гротеск и сюр соединяются с веселым искрящимся смехом, а те в свою очередь – с трогательной любовью. Иногда хулиганская, иногда язвительная, иногда интеллектуальная, но всегда приправленная иронией и юмором, эта проза открывает новый взгляд на тех, кто идет рука об руку с нами.

Комментарий Редакции:

Крайне неоднородный и действительно яркий сборник, который по своей сути напоминает причудливый коллаж из разных жизненных обрывков – таких, какие неустанно сопровождают нас в действительности.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Дояркин рейс	6
Турагент как высшее звено пищевой цепочки	6
Two days earlier	9
Дояркин сын	12
По заветам сына турецкоподданного	17
Мастер и Маргарита	23
Бухгалтерия по-братски	32
Конклюдентные действия	38
О лошарности британских ученых	49
«Фигура вторая – разлучная»	55
О пользе изучения иностранных языков	64
Икона стиля	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Сергей Горяинов

Дояркин рейс

Повести и рассказы

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital
(RED)

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Anton Vierietin / iStock / Getty Images Plus /
GettyImages.ru;

© alanphillips / E+ / Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

*Эпохе 90-х годов прошлого и 10-х годов этого
столетия – посвящается*

Дояркин рейс

Повесть

Турагент как высшее звено пищевой цепочки

– Где здесь продают самолет с губернатором?..

Матерого турагента трудно удивить! По мнению британских ученых восемьдесят процентов населения планеты страдают психическими девиациями. Сто процентов из этих восьмидесяти приходят в турагентство. Не дрогнув миллиметром из всех находящихся в его организме семидесяти пяти километров нервов, турагент спокойно выслушивает требования продать автобусный (!) тур на Кипр, семизвездный отель в Эмиратах за пятьдесят долларов, «горящий» тур за полгода до начала сезона, сделать новый загранпаспорт за один день, изменить расписание авиарейсов и поездов и заодно направленность движения циклонов в Атлантике. С последним, кстати, он вполне справляется! Турагент знает, где на роскошном круизном лайнере расположен морг (а он там есть), он не только побывал там, но и смог вернуться обратно (никакой мистики, просто программа рекламника)! Автор

этих правдивейших строк лично наблюдал процесс аттестации генерального менеджера собственником крупного турагентства – положив на стол монету какого-то мелкого островного государства, тот требовал сказать, что изображено на ее аверсе. Сразу подумав о том, что выводы британских ученых подлежат корректировке, я сбежал на всякий случай с места событий, не увидев, как выкрутился менеджер. Но знаю, что работает он там и по нынешний день. У турагента великолепный вестибулярный аппарат и, как изящно выразился один из моих друзей – «Богом поцелованная печень» – в тех же рекламниках, сочетая ночные тусовки с хаотичным вливанием в себя напитков разной степени содержания этилового спирта, утром он выходит на осмотр отелей свежим, как «молодой редис» и боевитым, как необъезженный мустанг. Его график посещения туалета превосходит знаменитое расписание доктора Шелдона Купера из «Теории Большого Взрыва» и может доходить до одного раза в день в высокий сезон. Пафосных клиентов, пришедших бронировать экзотический тур, запросто убалтывает на средненькую турецкую четверку только потому, что нужно закрыть сгорающие места в самолете на вечерний рейс. И, соответственно, наоборот. Кидая бронь туроператору в компьютере, одновременно говорит сразу по трем телефонам на четырех языках, не зная толком ни одного, и не было случая, чтобы его не поняли. Поражает не столько факт, что знает точные значения створных знаков норвежских фьордов или инкер-

манской бухты, сколько то, что однажды ему это как-то приходится в реальной жизни. Теоретически может управлять самолетом и практически – небольшой подводной лодкой! Но самое впечатляющее, что он – на самом деле она!

За образом матерого турагента скрывается, как правило, ослепительная красавица, к своим двадцати пяти обретающая все вышеперечисленные навыки и к тридцати пяти отшлифовавшая их до алмазного блеска. В реальности сумасшедший туристский бизнес держится на изящных дамских шпильках, с одинаковой легкостью порхающих в офисе, на пляже и в джунглях. Ее, объездившую к периоду своего расцвета полмира, да что там полмира – полстраны, прошедшую испытания джетлагом и предложениями большой, но чистой любви мужской части местного населения в каждой точке пребывания – повторяю, трудно удивить!

Посетителю, ввалившемуся солнечным майским днем в офис старейшей городской турфирмы, которой, в силу сказанного выше, больше бы подошло звание модельного агентства, это, однако, удалось!!! Курчавое существо под два метра ростом, в дико измятом и столь же дорогом костюме с золотым мобильником в руках, обвело вращающимися глазами классический набор мужских эротических фантазий – рыженькая, блондинка и брюнетка (шатенки из бухгалтерии были надежно укрыты бронированным стеклом) – и задало тот самый идиотский вопрос:

– Где здесь продают самолет с губернатором?

Two days earlier

Как выяснилось позднее, не все присутствующие из королев турбизнеса посчитали заданный вопрос следствием рано проявившейся деменции. Руководитель международного отдела, рыжеволосая красавица Марьяна, будучи выпускницей филологического факультета, хотя и имела некоторые претензии к синтаксису выстроенной посетителем фразы, мгновенно уловила ее семантику и, выбежав из-за пульт и начальственного, но все же стоящего в общем зале стола, выставила из кабинета директора его законную и потому изумленную обладательницу и увлекла мятого гиганта на приватный танец. В метафорическом, разумеется, смысле. Здесь требуется отступление, но уже не филологического, а административного характера.

Двумя днями ранее в отдельном кабинете вроде бы обычного, но расположенного в важной стратегической близости к областному Дому правительства ресторана состоялся довольно жесткий разговор. Выглаженный от шнурков до пробора на голове помощник губернатора Антон, которого судьба наградила фамилией Петрик, объяснял своему визави:

– Извини, Гена, но ситуация зашла слишком далеко! На носу выборы, администрация кишит журналюгами! А твой самострой очень болезненный... эээ... инфоповод! Не дергайся, я имею в виду – нельзя тебе светиться сейчас на при-

еме у губерра! Тут же раструют, что владеец незаконно-го строения и по совместительству депутат городской думы крышуетя губернатором. Ты, кстати, почему заранее не порешал вопросы? В результате и Федора Васильевича поставил в неудобное положение, и себе проблем нажил.

Гена, в вечно мятом костюме, наклонил курчавую голову, пошарил в стоящем у ног портфеле и на стол перед Антоном лег пухлый конверт. Петрик дернулся, но взял себя в руки и покачал головой.

– Нет, Гена, здесь я тебе не помощник. Ситуация вышла из-под контроля, неизвестно, чем может закончиться. И шефа подставляю, и вопрос не решу. Федор Васильевич ничего с твоего... эээ... инфоповода не имеет, может и в ярость прийти, выкинет меня еще на хер. Так что проговаривай с ним проблему сам. Но на прием попасть даже не мечтай. Ищи нестандартные варианты. Я говорю – пересекайся с губернатором где хочешь, но только не в присутственных местах. Все! Я пошел, у меня еще куча работы.

Мужественно миновав лежащий на столе конверт, Петрик покинул поле словесной баталии с гордо поднятой головой. Будучи педантом, зашел в туалет и, помимо прочего, тщательно вымыл руки. Взглянув на себя в зеркало, вытащил мобильный телефон и набрал номер.

– Алло, Марьяна, добрый день! Да, это Антон, помощник Федора Васильевича. Да, шеф подтвердил вылет в Португалию. Если будут проблемы с организацией чартера, звоните,

поможем! Сами справляетесь? Ну, хорошо, мы в Вас и не сомневались. Значит, первые шесть мест в продажу не выставляете, закрепляете за Федором Васильевичем и сопровождающими. Фамилии я потом пришлю. Мы считаем, это будет правильным в свете предстоящих событий – губернатор поддержал единственный региональный рейс, все такое, дадим потом соответствующий релиз. Болельщики – очень важная часть электората. Но пока афишировать это не стоит. Нет, директора Вашего пока тоже не нужно ставить в известность, просто скажите, что бронь из Администрации. Вы же курируете продажи? Отлично! Мы на Вас рассчитываем! До встречи.

Захлопнув телефон, Антон вышел из комнаты для раздумий с соответствующим выражением лица. Ни Гены, ни конверта в зале уже не было. Вздохнув, Петрик двинулся к выходу. Отягощенность важными государственными делами не позволила ему заметить лохматую тень, мелькнувшую за портьерой.

Дояркин сын

Гена был настоящим самородком. Дойдя до депутатских кресел регионального масштаба, он сочинил себе официальную биографию, в которой правдивой была разве что дата рождения. Всё знающее сарафанное радио причисляло Гену к цыганскому истеблишменту, что отчасти подтверждалось огромной курчавой головой, блестящими черными глазами и страстью к прикарманиванию всего, что плохо лежит. Впрочем, то, что лежало не так уж плохо и даже основательно стояло на земле, Гена позднее умудрялся прихватывать с той же цыганской лихостью и широтой. Первые опыты по изъятию чужого имущества Гена начал проводить совсем в малолетнем возрасте среди соплеменников, за что, собственно, и был нещадно бит и выкинут из родного табора. Гену, якобы, подобрала сердобольная женщина, жившая в селе, через которое прокатился цыганский кагал, и работавшая дояркой на местной ферме. Дать свою фамилию новообретенному чаду она не решилась, ибо уже воспитывала трех собственных малолетних бандитов от трех предыдущих мужей, с которыми (отпрысками, конечно, не мужьями) у Гены немедленно возникла масса конфликтов на бытовой, в основном мелкособственнической почве. Поэтому, когда цыганскому Гаврошу потребовался соответствующий документ, приемная мать дала ему фамилию, в которой явно

прослеживалась производственная аллегория. Дояркин, так сказать, сын.

Совершеннолетие Геннадия пришлось на закат эпохи застоя и вялых попыток реанимации социализма. Гена перебивался различными рабочими профессиями, но нигде не задерживался надолго – не из лени, а напротив, неуемной жажды деятельности на личное благо. Перестройка и начавшаяся затем эпоха первоначального накопления капитала открыла шлюзы, в которые хлынула кипучая энергия несостоявшегося барона. Гена быстро уловил основную схему, по которой собственность разваливающегося государства переходила к новоявленным помещикам и капиталистам. Количество кооперативов, обществ с ограниченной (иногда слишком) ответственностью, совместных предприятий, концессий и холдингов, учредителем которых был Гена, множилось с каждым днем. Юристы Гену боготворили – он давал им приличный стабильный доход. При этом латифундист и рантье Дояркин был не чужд следованию отдельных библейских заповедей и из непростых девяностых выскочил не только живым, но и не замешанным в конкретных разборках.

Сгубила Геннадия все та же широта души и невосприимчивость к ветрам перемен, которые задули в самом начале двухтысячных. Манипуляции с государственной и прочей собственностью требовали теперь соблюдения приличий и филигранной юридической огранки, Дояркин же пребывал в уверенности, что отсутствие наездов братков лишь вы-

свобождает простор для новых необременительных инвестиций!

Кстати, об инвестициях... По инсайдерской информации, Гена с трудом закончил среднюю школу, а разговаривал исключительно матом. Инстинктивно понимая, что в определенных местах такая манера не слишком приветствуется, Геннадий Роальдович пытался вставлять в свои инвективные конструкции общеупотребительные слова, однако получалось у него это не слишком убедительно! Ощущая себя слоном в лавке вербального ассортимента, Гена решил инвестировать в собственное образование. Правда, делал он это опять же в стиле эпохи малиновых пиджаков и сильно путая форму с содержанием. За пять лет двухметровый гамен «окончил» три университета и одну бизнес-школу, а еще через год обзавелся ученой степенью кандидата экономических наук. Неизвестно, прочел ли пытливый исследователь свой собственный труд, но, судя по всему, здесь начал срывать первый закон гегелевской диалектической системы, и количество дипломов как-то стало переходить в качество. Процент табуированной лексики, словно один из экономических графиков диссертации кандидата, начал показывать устойчивый нисходящий тренд, хотя и случались всплески, характерные для кризисных ситуаций.

Именно в такой ситуации и оказался Гена в результате присвоения небольшого регионального памятника архитектуры, расположенного на пересечении интенсивных го-

родских торговых потоков. Согласно договору, эксплуатация здания должна была сопровождаться ремонтом помещения, сильно обветшавшего после того, как революционные вихри 1917 года вымели из помещения его исконных владельцев. Рьяно взявшись за исполнение условий договора, Гена приступил к реконструкции здания с присущим ему размахом. В результате скромный, но изящный особняк оказался причудливо вмонтирован в многоэтажный новодел, быстро трансформировавшийся в торговый центр, помещения которого Гена выгодно сдавал в аренду, не обременяя арендаторов кассовыми чеками и прочей бумажной канителью. Казалось бы, банальнейшая история. Однако, ущемленная архитектурная и прочая общественность развернула в средствах массовой информации (в виду отсутствия в описываемое время соцсетей и прочих мессенджеров) настоящую травлю депутата-реставратора, а несогласованность вопроса во властных структурах не позволила Гене отмахнуться от никчемной с его (и не только его) точки зрения, прослойки общества. Городская администрация и прокуратура вынесла предписание новодел снести, купеческий особняк высвободить из каменных пут и вернуть ему прежний облик, грозя в противном случае судебными исками. Гена рванул было, по старой памяти, искать защиты у главного краевого государева наместника, но был остановлен непреклонным губернаторским помощником, который в интеллигентских же выражениях прояснил Гене суть его сложного положения. Рас-

ставаться с замысловатым архитектурным ансамблем было жалко. Встреча с губернатором стала для Дояркина навязчивой идеей, но он плохо представлял себе, как могут выглядеть озвученные губернским секретарем нестандартные места. Удачно подслушанный телефонный разговор направил Гену в путешествие по туристическим компаниям города.

По заветам сына турецкоподданного

На работу Марьяна приехала злая и невыспавшаяся. Лишенные привычной лучезарной улыбки начальницы заинтригованные акулы международного отдела и примкнувшие к ним пираньи отдела российского преподнесли фронтвумен кофе и потребовали объяснений. Марьяна буркнула, что начиная с трех часов ночи ее затрахали, но не в том смысле, в котором хотелось бы. Неделю назад она забронировала тур в Эмираты для трех разбитных девиц переходного возраста, которые утверждали, что едут туда исключительно с целью приобщения к памятникам бедуинской культуры. Перед обратным вылетом, в развлекательных целях («чисто по приколу, клянемся») они оставили в номере пять банкнот по сто евро. Прикол состоял в том, что бумажки были сувенирные, те самые, которые так любят ведущие корпоративов и свадебные тамады.

– Ладно, хер с ним, с приколом, – взбодренная кофе и вниманием коллег, кипятилась Марьяна. – Я просто хочу понять, как работал их мозг неделю назад? Вот они собирают сумки перед вылетом... Кладут туда, ну не знаю – купальники, крем, тампоны, что там еще... презервативы, плетки для БДСМ, вазелин. И вот в какой-то момент кому-то из них приходит в голову – а возьму-ка я сувенирные банкноты, это же незаменимая вещь в Эмиратах!?! Вот так, что ли?

Как оказалась, эрзац-деньги были выполнены с большим вкусом и высокой степенью похожести, поэтому горничная, пришедшая убирать номер, приняла их за щедрые чаевые. Так как оборот наличных в Эмиратах строго регламентирован, по инструкции, тут же забыв об уборке, она помчалась на ресепшн обменивать их на дирхамы. Портье, проверив деньги на маркер-детекторе, поднял трубку телефона и, натурально, сообщил в полицию о попытке сбыта фальшивых купюр. Шутка не удалась, в аэропорту любителей розыгрышей ждали полицейские с наручниками, в улетевшем в Россию самолете не досчитались трех пассажиров. Поклонницам бедуинских древностей сообщили, что им светит до 12 лет заключения в комфортабельной эмиратской тюрьме. Не пять звезд, конечно, но все же. Дело дошло до генерального консульства, и в три часа ночи Марьяну разбудил телефонный звонок. Неприятный голос помощника то ли третьего, то ли четвертого секретаря сообщил, что в качестве туроператора, отправившего девиц на отдых, указана известная Марьяне компания, а в качестве лица, оформлявшего тур, сама Марьяна, что родное государство сделает все, чтобы убедить суровые эмиратские власти в невинности помыслов арестованных, но возвращение оных на родину будет исключительно ее, Марьяны, головной болью. Каковая приключилась незамедлительно и испортила Марьяне остаток ночи.

Едва завершив свой рассказ и дополнив его кратким анализом умственных способностей лиц, пересекающих грани-

цу Отечества, Марьяна перевела дух, как произошло то самое явление Дояркина народу с выдачей в эфир сакраментального вопроса.

В кабинете директора, просканировав чудо природы, Марьяна приступила к первичному допросу. Кандидат наук, несколько ошарашенный от обилия ума и красоты, сконцентрированного на столь небольшом пространстве, отвечал короткими фразами, в которых в разной комбинации доминировали термины «мля», «нах» и «хули ты...». Коварно обволакивая депутата силлогизмами и энтимемами, дипломированная бывшая филологиня установила, что источником слива информации о предстоящем рейсе с участием первого лица региона стал его лощенный помощник. Выдохнув и слегка успокоившись, Марьяна взглядом приковала Гену к стулу, ввинтилась в маленькую офисную кухню и набрала номер губернского секретаря. Ледяным тоном портфеленосцу было описано эпичное появление Дояркина в офисе, с присовокуплением некоторых фантазийных деталей, призванных усилить у Петрика чувство вины и, соответственно, зависимости. Петрик, придя в себя, заюлил, поклялся в вечной любви, обещал золотые горы и, как обычно это происходит с нашкодившими туристами, просил «сделать что-нибудь». Для «что-нибудь» на экстренный военный совет была призвана наконец-то все еще пребывающая в недоумении директриса и, несмотря на довольно ранний час, дополнительный менеджер под кодовой фамилией «Коньяковский».

После первой Марьяна изложила более опытной Ольге Аристарховне диспозицию, опустив, правда, некоторые детали своей предварительной осведомленности. Первоначальный план мэтресс турбизнеса предполагал открыть Гене правду, то есть поставить его перед фактом, что все места в самолете проданы и организовать его случайную встречу с губернатором на борту нет абсолютно никакой возможности. У Судьбы, однако, на этот счет было собственное мнение.

Она (Судьба) явилась Марьяне и Ольге Аристарховне в лице старшего менеджера Елены, которая в офисной «Виagre» играла роль блондинки. Просунув светлую голову в дверь кухни, Ленка затараторила, что только что звонили туристы Карнауховы, которые никак не могут лететь, что у них какие-то вот прям чрезвычайные обстоятельства и с португальского рейса, к сожалению, они снимаются. А так как они должны были лететь в компании с Симоновыми, то те тоже снимаются и оплачивать перелет не будут, и надо что-то срочно делать, потому что сегодня последний срок оплаты авиакомпании, а самолет фрахтовали на условиях «жесткого блока», и вообще с рейсом полная ж..., но отвечает за рейс Марьяна, а она просто вот передала информацию и больше не смеет обременять начальство своим присутствием, у ее туристов не вовремя выходят визы и тоже, в общем, полная ж...

В бюджете компании образовалась ощутимая финансовая брешь. Приняв по второй и обменявшись лишь взглядами,

дамы вошли к сопящему в волнении Дояркину.

– Геннадий, как Вас там... хорошо, Геннадий, – медовые глаза Марьяны пришли в точное соответствие с киплинговскими ассоциациями – «осень, волчья степь, охота»... – Мест в самолете нет! И не предвидится! Сделать ничего нельзя!! Но только ради Вас!!! Вот Ольга Аристарховна, наш директор (Ольга Аристарховна согласительно закивала головой), готова снять с самолета своих знакомых и отправить их через Москву, регулярным рейсом. Это потребует выписки новых билетов. Перестикировка. Плюс билеты до Москвы. Плюс моральный ущерб и так далее. Вы меня понимаете?

– Так, мля, сколько с меня, нах, – Гена понимал!

Мгновенно сложив в уме стоимость горящих шести билетов, Марьяна прибавила к ним цену мифического перелета в Москву, мнимые перестикировки и, главное, свой вполне реальный ночной моральный ущерб, после чего вынесла Гене приговор:

– С Вас шесть с половиной тысяч плюс два с половиной процента по сегодняшнему курсу, если будете оплачивать в рублях. Отель, естественно, оплачиваете отдельно. – И, подумав, добавила, – Мля!

Милейшая Ольга Аристарховна поперхнулась и, кашляя, испарилась из кабинета! Гена нырнул в портфель и вытащил уже достаточно измятый конверт. Отсчитал нужную сумму и, не требуя приходного ордера, выкатился на улицу. Кротко улыбаясь, Марьяна вышла в зал и под аплодисменты просле-

довала в бухгалтерию. Сквозь окна офиса на нее лился свет солнца Аустерлица.

Мастер и Маргарита

Как у природы нет плохой погоды, так у турагента не бывает скучных дней. Особенно, если он одновременно – туроператор. Вольтижировка Дояркина была всего лишь проходным моментом в блистательной карьере Марьяны, говоря словами все того же сына турецкоподданного – «так, джентльмен в поисках десятки». Ну, в данном случае, ле-ди. Очередное утро принесло Марьяне новость, которую она восприняла со смесью грусти и постыдного облегчения. Ей сообщили, что ее давний постоянный клиент Ярослав, который кочевал за ней по всем офисам с самого начала работы Марьяны в туризме, больше не нуждается в услугах лучшего турагента города. Причина самая банальная – умер! Основания для грусти были вполне очевидны, облегчение же объяснялось тем, что Ярослав был не вполне обычным клиентом. Все знали, каким бизнесом промышлял Ярик (как он сам представлялся при первом, не приведи Господь, знакомстве), но говорить вслух об этом не осмеливались. Накачан-ные стальные мышцы, немигающий взгляд Ярика и сломан-ные уши напрочь отбивали охоту поминать всуе не только его деятельность, но и его самого. Собственно, и сама формулировка «он умер» не вполне раскрывала детали произо-шедшего, носившие явный насильственный оттенок. Марья-на вспомнила, как ее знакомство с Яриком началось с того,

что она сама чуть было не стала, фигурально выражаясь, его клиенткой. Оценив финал многолетнего единства и борьбы противоположностей (первого закона гегелевской диалектической системы), Марьяна в очередной раз пришла к известному выводу о том, как причудливо порой Судьба играет человеком.

Чему она тут же получила зримое и, что характерно, неотвратимое подтверждение в виде призыва Ольги Аристарховны зайти к ней в кабинет.

Ласково, как всегда, улыбаясь, Ольга Аристарховна спросила, как идет подготовка рейса на чемпионат Европы. Услышала, что все билеты оформлены, визы вышли в срок, слоты, хоть ночные, авиакомпания получила, а их фирма получила дополнительную прибыль, так как на свободные пять мест, и так оплаченные Дояркиным, Марьяна в последний момент нашла клиентов, у которых уже был открыт Шенген. Кивнув, Ольга Аристарховна приступила к главному:

– Марьяночка, чем ближе этот «полосатый рейс», тем больше мы с учредителями понимаем, что без сопровождающего нам не обойтись. Страна для нас новая, проверенных партнеров нет, все, кто летит, разбросаны по отелям в разных городах. Некоторые за сто километров друг от друга. Люди все непростые, не дай Бог что-то пойдет не так, нас потом закроют одним щелчком. А тут еще и губернатор на рейсе, как выяснилось.

Марьяна немного подумала.

– Ну, наверное, Вы правы! Особенно в том, что все непростые. Однозначно придется их там нянчить, плюс кто-то из своих должен будет получить билеты на матчи от брокера и развезти их туристам. Кстати, по билетам тишина? Что-то я начинаю переживать уже...

Ольга Аристарховна вздохнула и покачала головой.

– Ясно! Кого думаете отправить в качестве сопровождающего?

– Тебя, Марьяночка!

Перед глазами Марьяны начала разворачиваться глубокая экзистенциальная пропасть! Надежды на спокойный отдых после отправки рейса и, может быть, даже краткосрочный отпуск рассыпались в прах. Пока готовились документы, открывались визы и заключались договоры, Марьяна познакомилась с каждым из 140 клиентов, которые должны были сесть с ней в самолет. Новые знакомства стимулировали приступы мизантропии, которым она стала подвержена. Ольга Аристарховна меж тем приводила новые доводы:

– Ты их всех знаешь! Они к тебе все прониклись, особенно мужики! Тряхнешь своей рыжей копной, они выстроятся во фронт, как крысы под дудочку Уленшпигеля. Что говоришь? Его звали Пестрый? Странное имя, как кличка уголовника какая-то! Ну, тебе виднее, ты у нас филолог. Кстати, и язык ты знаешь в совершенстве, не то, что остальные наши клуши. С португальцами ты переписку вела! Ну, и главное, – ты единственная, кто была в Португалии в рекламнике, еще

до того, как к нам перешла! Кроме тебя, некому!

Отказаться Марьяна не смогла. Ольгу Аристарховну она любила. Та взяла ее на работу в один из самых тяжелых моментов ее жизни, научила всему, что знала сама, а бэкграунд у директрисы был – не дай Бог никому! С криминальными разборками, ограблениями, наездами то братков, то различных органов, которых насылали конкуренты, киданием со стороны партнеров и прочих прелестей, сопровождавших становление нелегкого российского турбизнеса. Из-под крыла Ольги Аристарховны вышло две трети директоров всех турфирм города, и не только города, да и Марьяне директриса намекала, что та уже давно переросла должность начальника международного отдела. Нет, лететь однозначно придется.

Марьяна поднялась, однако Ольга Аристарховна жестом показала, что разговор не закончен.

– Не расстраивайся и не трусь! А чтобы тебе легче было, мы за свой счет пошлем с тобой тебе в помощь Ванечку!

Пропасть, и так маячившая до сих пор перед глазами Марьяны, мгновенно трансформировалась в бездну...

Ванечку она любила гораздо больше, чем Ольгу Аристарховну, хотя тот приходился Марьяне всего лишь мужем. Более того, он был единственным смыслом ее жизни. Историю их знакомства и первых лет брака можно было продать голливудским компаниям как основу для захватывающего сценария. Они учились на одном факультете, но, когда Ма-

рьяна поступила на английское отделение, Ваня уже закончил французское и был восходящей звездой аспирантуры. На правах звезды требовал называть его Жаном, цитировал в подлиннике наизусть Вийона и Рембо, галлов считал вершиной человеческой расы, английский язык не признавал, поклонялся французской кулинарии и, когда на общей кухне в общежитии готовил мателот а ля марешаль или филей де беф де брезе, наблюдать за этим процессом сбегалась вся общага, а отдельные барышни, по их признанию, начинали слегка оргазмировать. Вслед за Фаулзом Жан считал бриттов племенем темным и диким, а потому на всех обучавшихся на английском отделении смотрел презрительно или не смотрел вовсе. Из-за этого бриллиант в лице Марьяны прохлопал начисто. Когда все-таки судьба столкнула их на вечеринке, они с первого взгляда, как утверждали потом, сильно не понравились друг другу. Соответственно, по законам логики не смогли после этого расстаться. Пара действительно вышла не рядовая. Ваня высокий, стройный, с улыбкой, от которой млели все студентки – от незрелых первокурсниц до матерых выпускниц. Но самое главное – глаза. В них светились одновременно печаль веков, мудрость предков, веселый задор и гиперирония. Вообще, «лица необщее выраженье» Жана было таково, что одна из студенток, придя к нему на первое занятие, вместо приветствия растерянно произнесла: «Вы, наверное, очень-очень умный? Как же мы Вам зачет сдавать будем?»

Марьяна любила умных и красивых в первую очередь потому, что того и другого у нее самой было в избытке. Марьянин смех напоминал то переливы шопеновских ноктюрнов, то задорные такты вальсов Штрауса. Ваня утверждал, что может узнать его из миллиона других. Если на улице Марьяна попадала в дождь, ее волосы цвета античной терракотовой керамики из волнистых превращались в игривые кудри. В больших, вечно искрящихся медовых глазах билась такая энергия, что, когда по стране прокатился ретропоказ «Унесенных ветром», к Марьяне приклеилась фраза «Девушка с неумемной жаждой жизни». Как и Жана, Марьяну после окончания университета сразу оставили при кафедре.

Когда они появлялись где-то вместе, окружающие отчетливо слышали потрескивание электрических разрядов, исходившее от влюбленных. В стране бушевала гиперинфляция, на аспирантскую стипендию и преподавательские приработки в месяц можно было купить лишь пару бутербродов, но Жан с Марьяной, кажется, ничего этого не видели. Отрезвление пришло как раз в тот момент, когда Тристан, так сказать, решил сделать Изольде предложение.

Этот период совпал со странными изменениями в облике Жана. Жених, и без того не обремененный весом, стал худеть на глазах, постоянно температурить, его рвало при каждом неудобном, в общем-то, случае. Поначалу списывали на грипп и прочие шалости, Жан утверждал, что просто тает от любви. Все это длилось до тех пор, пока возлюбленная

пинками не притащила Жана на полное обследование. Когда смысл анамнеза дошел до Марьяны, ее отбросило к стенке. Лейкемия, острая форма, причины не вполне ясны, но скорее всего следствие проживания Жана в одном закрытом городке, куда судьба забросила его семью. Прогноз – месяца три, максимум полгода...

Факультетское сообщество разделилось на две неравные части – одни жалели Жана, другие – Марьяну. Жан что-то проблеял о необходимости подождать, Марьяна настояла на том, чтобы быстрее подать заявление в загс. Узнав об этом, сердобольное университетское начальство решило образумить строптивую красавицу в лучших традициях советских партхозактивов. Марьяна была призвана в кабинет первого проректора, по совместительству друга отца, знавшего Марьяну с детства. Там уже восседали председатель профсоюзной организации, декан факультета и легендарная начальница отдела кадров Ануш Георгиевна.

Проректор, Григорий Павлович, повел задушевные разговоры о том, что сейчас не стоит торопиться с браком. Мы, дескать, все знаем и любим Ванечку, нашу восходящую (здесь председатель профкома и декан закашлялись) звезду, но ситуация неоднозначная, торопиться не стоит. Выслушав тираду, Марьяна с деланным простодушием спросила:

– Почему?

Исчерпав аргументы, проректор не выдержал и деликатно напомнил:

– Ну ты же знаешь, что ему дают максимум полгода?

Как потом взхлеб рассказывали участники этой сюрреалистической встречи, Марьяна встала и, глядя проректору прямо в лицо, свистящим голосом отчеканила:

– Большое спасибо, Григорий Павлович, за заботу, но я бы порекомендовала Вам пойти с Вашими советами на хер. Хоть полгода – но мои!

Ануш Георгиевна восхищенно присвистнула и выскочила из кабинета вслед за Марьяной. Увидев Жана, который брел по коридору, хватаясь за стенки, она увлекла его пить чай в отдел кадров, попутно выдав короткое наставление:

– Держись за эту девочку всеми фибрами, тогда не упадешь!

На столе у Ануш Георгиевны лежало заявление Марьяны об увольнении по собственному...

На свадьбе у молодых присутствовало шесть человек, включая самих жениха и невесту. Марьяна устроилась в туристическую компанию и начала барабанить на пересадку костного мозга молодому мужу. Ваня, запретивший называть его Жаном, мотался по химиотерапиям и в перерывах между отходняками писал диссертацию – Марьяна категорически восстала против каких-либо акций солидарности и прочих демаршей. Университет опомнился и выделил материальную помощь. Родители Марьяны сжалились и окружили молодых заботой, жильем и обедами. Ануш Георгиевна организовала сбор средств и однажды Марьяна, вернувшись

домой, застала Ваню плачущим над полиэтиленовым пакетом с разрозненными банкнотами и горой мелочи – узнав о проблемах любимого молодого препода, студенты скинулись со стипендии всем, чем смогли. Непостижимым образом Ваня попал в программу международной благотворительной помощи со стороны немцев, о степени непостижимости знала только Марьяна, не особо распространявшаяся на эту тему.

Произошло обыкновенное чудо, но чудо предпочитало не афишировать свои подвиги. Ваня поправился (во всех смыслах этого слова), с блеском защитил диссертацию, однако французская филология по-прежнему не позволяла сводить концы с концами. Кормилицей семьи оставалась Марьяна. Ванечка сдал французские раритетные издания букинистам, без отрыва от производства окончил юрфак и стал подрабатывать в юридической конторе. Первым заданием юриста стала подготовка документов на учреждение ООО какого-то местного олигарха Дояркина. Едва закончился рабочий день, у Вани завибрировал мобильник – жене срочно понадобилась помощь квалифицированного юриста...

Бухгалтерия по-братски

Марьяну невозможно было не любить, но Люсе это удавалось без особого труда. В Марьяне ей не нравилось все – ум, острый язык, красота, заразительный неповторимый смех, волнистые от природы волосы, ярко выраженная талия и четвертый размер груди. Была Люся главным бухгалтером той самой первой фирмы, в которую устроилась работать Марьяна. При любом удобном случае Люся изводила Марьяну то несвоевременно сданными отчетами, то своевременно сданными, но не так оформленными отчетами, то отсутствием каких-то важных счетов, то, наоборот, наличием неважных. И так далее. Единственное, что Люсе нравилось в Марьяне – это ее муж Ванечка. Тот порою заходил за Марьяной в конце ее рабочего дня и, пока она добронировала очередных бесконечных туристов, развлекал Люсю рассказами о нравах французской аристократии конца семнадцатого века, историей любви Наполеона и Жозефины Богарне, а также делился рецептами салатов нисуаз и маседуан. Люся млела и при каждом удобном случае шпыняла Марьяну, показывая тем самым Ване ошибочность его матримониальных установок. Ваня все обращал в шутку, пытаясь, в силу природной интеллигентности, сглаживать острые углы, понимая, что в эпоху первоначального накопления капитала бухгалтер в турфирме – царь и Бог.

В день, когда Марьяна срочно вызвала новоиспеченного юриста к себе на работу, Люся встретила франкофила без обычной сладкой улыбки. В офисе стоял невообразимый ор, бумаги летали до потолка, Марьяна сидела за компом с красным лицом, уворачиваясь от молний, которые Люся метала не хуже трансформатора Теслы.

Экономико-правовая ситуация складывалась следующим образом. Марьяна забронировала какой-то сногшибательный тур в Париж на шесть человек, с проживанием то ли в «Ритце», то ли «Реджине», билетами в парижский Диснейленд, индивидуальными трансферами и прочими вип-прелестями, что на тот момент было сравнимо с полетом на Луну. В том числе финансово. Она уже подсчитывала немаленькую сумму своих комиссионных, однако строптивые галлы из посольства, внимательно изучив документы, отказали всем шести во въездных визах, заподозрив главу семейства в не вполне легальных источниках доходов. С французским туроператором компания работала напрямую, переводя деньги по каким-то особым схемам, которые изобретала Люся. Лягушатники заявили, что в связи с отказом от тура менее чем за десять дней до начала поездки, с российского партнера взимается стопроцентный штраф. Те, кто в теме, легко поймут. Договор с туристом предусматривал удержание денежных средств по обстоятельствам, не зависящим от компании. Когда туристу сообщили, что он не только никуда не поедет, но и заплатит за это по полной программе, тот тихо посове-

товал вернуть деньги. Компания изготовилась к долгой юридической борьбе, но, когда подняли договор, выяснилось, что Марьяна по запарке, вечной спутнице турагента, забыла взять у туриста вожаделенную подпись. Директриса фирмы в этот момент переживала последствия поездки на средиземноморское побережье, вылившиеся в очередной бурный роман с очередным турком моложе себя, и от решения проблем устранилась, поручив это Люсе. Настал Люсин звездный час. Израсходовав запасы внутренней электростанции, Люся объявила Марьяне, что разгуживать вопросы с клиентом та будет самостоятельно, что фирма ни копейки возвращать не будет, что клиент приедет для разговора через час и, метнув на Ваню взгляд, в котором читалось «а я ведь предупредила», закрыла бухгалтерию и пожелала супругам удачи.

Через час она им очень понадобилась. Вместо клиента, указанного в договоре, в офис вошли два шкафа в модных кашемировых пальто. При взгляде на них стало понятно, что сомнения французского посольства были не беспочвенны. Шкаф постарше и повыше поставил стул на середину офиса, оседлав его, как коня, и уставился на Марьяну немигающим взглядом. Второй, пониже и поквдратней, бродил по периметру, проявляя интерес ко всему, кроме Марьяны с Ваней, и постоянно улыбался.

– Ты Марьяна? – наконец спросил немигающий.

– А Вы здесь видите еще варианты? – стараясь казаться

спокойной, парировала та.

– Веселая! Это хорошо, – одобрительно отреагировал улыбчивый.

– Мы от Эдуарда Ашотовича, – продолжил немигающий шкаф. – Вы тут ему поездку похерили, но он прощает. Вернешь только то, что уплачено. Тащи лавэ.

– Простите, Вас как зовут? – Марьяна держалась изо всех сил.

– Ярик.

– А я Валёк, – откликнулся улыбчивый.

– Видите ли, Ярослав, я так понимаю, и Валентин, дело в том, что так как отказ от тура произошел не по нашей вине, условия договора предусматривают стопроцентные... эээ... удержания. Вот кстати, Иван, наш юрист и по совместительству мой муж, он сейчас пояснит.

– Пояснять он будет тебе дома, если дойдет до него. Деньги носи.

Однако Ваня уже выступил на авансцену.

– Позвольте, Ярослав, я все же поясню. Я понимаю, что Вы апеллируете к отсутствию договора, точнее, подписи в нем. Однако в практике делового оборота приняты так называемые конклюдентные действия, договор может быть заключен посредством совершения конкретных (Ваня запнулся) действий, и согласно статье 158 Гражданского кодекса...

– Смешной парень какой-то, и говорит смешно, – Валёк, не переставая улыбаться, сделал легкое движение к Ване, и в

следующий миг тот увидел перед собой только ботинки визитёров. Было не столько больно, сколько ужасно стыдно.

Ярик поднялся со стула.

– Деньги привезешь завтра в офис Эдуарда Ашотовича, адрес здесь. – У Ярика, оказывается, имелась не только визитка, но и отчество с фамилией. Тебя встретят. Если твой штамп вписывается за тебя, пусть тоже приходит.

Когда визитеры покинули офис, свободное пространство увеличилось чуть ли не наполовину.

– Ну вот видишь, даже если бы ты подписала договор, ничего бы не изменилось, так что все хорошо, – сгорающий от стыда Ваня пытался казаться бодрым и уверенным.

– Ничего хорошего. Если бы я все оформила вовремя, это была бы проблема директора и Люси. А теперь они все это скинули на нас. Точнее, на меня.

– На нас, – с нажимом поправил Ваня. – Пошли домой, там все обсудим.

От ужина Марьяна отказалась. Ваня принес чай и коротко спросил: Большая сумма?

Марьяна назвала. Ваня покачнулся и вышел из комнаты.

Вернулся он не сразу, и поставил на стол синюю шкатулку в виде книги. Каждый год кто-нибудь дарил ему шкатулку в виде книги, в квартире они валялись по всем углам. Но эта... Марьяна дернулась. Эта была сделана под «Мастера и Маргариту». Сюда откладывались марьянины комиссионные и премии, ванины гонорары, доходы от репетиторства и лет-

них приработков, подарочные и то, что удавалось выкроить из отпускных. Здесь, под крышкой, лежали надежды на будущий ремонт, новые путешествия, машину, но главное... если вдруг, если не дай Бог, если все же вернется... это страшное, невыносимое время, когда приходится просыпаться каждые пятнадцать минут и проверять, дышит ли он... Чтобы, если вдруг все же вернется, не бегать, не унижаться, не просить, не занимать, не трястись над каждой копеечкой.

– Не вернется, – негромко сказал Ваня. Если ты рядом – ничего не вернется. Все чаще им не нужно было слов, чтобы слышать друг друга. Сколько же времени они вместе!?! У Марьяны сжалось сердце. А ведь тогда она действительно была готова к тому, что – полгода. Всего лишь половину уродского, жуткого, нелепого, безысходного и такого счастливого года...

Конклюдентные действия

Марьяна прижалась щекой к Ваниному животу. Ваня гладил ее по рыжим волосам, руки его дрожали. Наконец отодвинувшись, он виновато сказал:

– Почти пяти тысяч не хватает! Может, зайдем у кого? Если по сто, по двести, то дадут. Но это время. Завтра с утра побегаю.

Но Марьяна уже вытирала слезы.

– Не надо, родной! Конечно, зайдем! Все и сразу. Я даже знаю, у кого! Идем спать.

Утром Марьяна убежала на работу пораньше. Выйдя из подъезда, достала мобильник и набрала номер с визитки.

– Алло, Ярослав, то есть Ярик? Доброе утро! Это Марьяна! Надо встретиться. Нет, не за отсрочкой. Есть разговор. Давай кафе рядом с нашим офисом. Через полчаса? Хорошо!

Когда Ярик плюхнулся на стул и уставился на Марьяну своим немигающим взглядом, не произнеся ни слова, Марьяна выждала паузу и, также стараясь не мигать, отчеканила в каменное лицо:

– Деньги приготовили. Но у нас не хватает пяти тысяч евро! Бегать занимать, объясняя каждому, зачем нужно – лишний шум. Все равно узнают, а Ашотовичу такое паблисити, ну в смысле, звон, вред ли нужен. У меня деловое предло-

жение. Ты занимаешь мне пять тысяч на полгода, но не просто так, это будет твой депозит. Ну, в смысле, это твоя предоплата за поездки, куда хочешь. Буду твоим персональным турагентом. Я оформляю тебя с большой скидкой, убирая комиссию туроператора, плюс дополнительные бонусы, как – тебе знать не обязательно. Часть стоимости тура вношу за тебя в счет долга, полный отчет у тебя будет. Ровно через полгода я с тобой рассчитаюсь. Нет – тогда за базар, или как там у вас, отвечу. Но отвечу сама. Мужа не трогайте. Если согласен, носи деньги. Договор, я так понимаю, – Марьяна криво улыбнулась, – подписывать смысла нет, поверишь мне на слово? Оформим все, так сказать, конклюдентными действиями?

Ярик, продолжая смотреть на Марьяну немигающим взглядом, ничего не отвечал. Так и не произнеся ни звука, поднялся и вышел прочь. Марьяна поплелась на работу.

Через час Люся, выйдя из своего бухгалтерского закутка, увидела, как в офис завалил улыбающийся квадратно-гнездовой крепыш и, восхищенно покачивая головой, протянул Марьяне конверт. Та, не считая, сунула его в сумку и вытащила мобильный телефон. На все язвительные вопросы Люси Марьяна отвечала ледяным молчанием.

В офис к таинственно-криминальному Ашотовичу Ваня поехал один. Марьяна, передав мужу конверт, сказала, что у нее толпы туристов, Люся висит над душой и вообще это все мужские дела, тем более он уже за нее «вписался». При-

ехав по нужному адресу, Ваня вошел в офис, переделанный из бывшего НИИ. В отделке доминировали лепнина и золото. Ярик сидел в отдельном кабинете и, увидев Ваню, молча поднялся и повел его длинным коридором. В приемной Эдуарда Ашотовича царили, помимо все той же лепнины и золота, две ослепительных секретарши. Одна из них кивнула на дверь, и визитеры переступили порог кабинета. Шкафы красного дерева были забиты книгами, однако, наметанный глаз Вани тут же определил, что это фальш-панели с изображением корешков. Почувствовав моральное превосходство, Ваня поставил на стол все ту же синюю шкатулку. Эдуард Ашотович вопросительно взглянул на Ярика, тот качнул головой.

– Надеюсь, мы в расчете? – Ваня не был уверен в правильности постановки вопроса, но владелец кабинета лишь показал подбородком на дверь. Внезапно Ваней овладела какая-то отчаянная ярость, и он тихо, но настойчиво произнес: Шкатулку верните!!!

Эдуард Ашотович удивленно и надменно вскинул голову, но Ярик с неожиданной ловкостью подскочил к столу, аккуратно извлек деньги и выволок Ваню в приемную. Уже в коридоре, почувствовав пустую шкатулку подмышкой, кандидат филологических наук в последний раз в жизни услышал голос Ярика:

– Правильная девочка тебе, дураку, досталась! Держись ее, может быть, уцелеешь. А то слишком много говоришь...

Ровно через полгода Марьяна положила на стол Люсе (директриса переживала измену молодого янычара и закатилась в какой-то экзотический рекламник) заявление об уходе. Долг перед Яриком был закрыт и даже перешел в положительное сальдо. Марьяна надеялась, что больше их пути не пересекутся. Ровно через месяц работы на новом месте в дверь офиса протиснулась знакомая шкафоподобная фигура. Ярик, как всегда, не выражая особых эмоций, забронировал очередной тур. Марьяна через год ушла в другую фирму, взяв с сотрудников слово никому не говорить, куда именно. Ярик нарисовался на ее новом месте работы недели через три. Так повторялось каждый раз, когда Марьяна переходила на новое место. Устав бороться, Марьяна отменила Ярику все скидки и делала чудовищные наценки, с лихвой окупив взятое в долг. Ярик даже не повел своим сломанным ухом. Иногда он просто приходил в офис и, привычно оседлав стул, слушал, как Марьяна заливается соловьем перед очередными туристами. «Я перед ним как птица-говорун», – жаловалась Марьяна коллегам.

Однажды, во время внеочередного затишья между туристами и бронями, Марьяна услышала, как две сотрудницы отдела захлеб рассказывают друг другу о том, что знаменитая Горячева из знаменитого «Сюрприз-Тура» вышла замуж и уехала жить в Италию, сделав, таким образом, вакантной должность старшего менеджера. «Сюрприз-Тур» был одной из самых старых и крупных компаний, являлся однове-

менно и туроператором, и турагентством, там работала элита туристской тусовки. Марьяна отпросилась с работы на час раньше и тем же вечером переступила порог легендарного офиса. При ее появлении все три отдела уставились на Марьяну двадцатью парами глаз.

– Мне к директору, – безапелляционно заявила визитерша.

– Вы договаривались? – спросила Марьяну девица, с ног до головы прикинутая в Dolce&Gabbana.

– Да, – не моргнув глазом, соврала та.

В кабинете, вытащив резюме и не давая директрисе опомниться, Марьяна изложила доводы, по которым та просто обязана была взять ее на работу. Профессиональный английский, знание всех систем бронирования, опыт продаж. Знание всех юридических тонкостей и четкая работа с документами, особенно с договорами туристов.

– Конечно, опыта у меня еще не так много, да и в рекламниках я мало где побывала, – заливалась Марьяна! – Ну, Турция, Египет, Чехия. В Португалии была, случайно попала, девочка, которая должна была лететь, ногу сломала! Из нашего города, правда, рейсов нет, я с вылетом из Москвы иногда бронирую. Но вообще я могу продать даже то, где не была! Коммуникабельная! Могу выйти пока с испытательным сроком, без оплаты.

– У нас вообще-то правило, – перебила директриса, – мы берем только тех, кто имеет опыт работы в крупных компа-

ниях с туроператорскими функциями и определенную географию рекламников. Так что, наверное, нет. Ты ведь, я так понимаю, работала только в небольших фирмах? Каких, кстати?

Директриса углубилась в марьянино резюме. Вскинув бровь, подняла глаза на Марьяну и улыбнувшись, спросила:

– Я тут увидела твое первое место работы. Это на тебя, что ли, наезжали дуболомы Ашотовича?

– Откуда Вы знаете? – прошептала пораженная Марьяна.

– В нашей тусовке всё всегда становится известным, рано или поздно, – усмехнулась директриса. – Выходи хоть с завтрашнего дня. Без испытательного. На место Горячевой, с такой же оплатой.

Так в жизни Марьяны (и Ванечки) появилась Ольга Аристарховна.

Та сразу поняла, какой алмаз попался ей в руки, и приступила к его тщательной огранке, а «огранила» за свою жизнь Ольга Аристарховна столько, что хватило бы на небольшую ювелирную биржу. Марьяну она сразу полюбила за то, что так ненавидела Люся, плюс за дикую работоспособность, умение уговорить любого клиента («она даже фонарный столб, если надо, отправит») и изобретательность, с которой та выходила из любой нестандартной ситуации, а стандартных в туризме никогда не было. На Марьяну сыпались рекламники, она быстро обрастала связями, всегда улыбалась своей лучезарной улыбкой, и, когда пришло время назначить

нового начальника международного отдела, даже те, кто пришел в компанию задолго до Марьяны, не оспаривали выбор директрисы.

Однажды, войдя в российский отдел, Ольга Аристарховна увидела картину, структурно напоминающее репинское полотно «Казачи пишут письмо турецкому султану». Начальница отдела Лина, держа в руках листок, с выражением читала вслух содержимое, остальные, включая бухгалтерию и международниц, ржали как те самые запорожцы, облепив все углы, столы и даже офисный фикус. Не было только Марьяны, которая умчалась по каким-то делам. Ольга Аристарховна прислушалась. Текст был изыскан, как мадригал, язвительен, как рапира, смешной до колик и в то же время какой-то очень уж канцелярский.

– Это чего? – заинтересовалась босс.

– Да это ж Марьяна притащила ответ на претензию очередного сумасшедшего, – давясь от смеха, пояснила Лина.

– А давно это Марьяна у нас занимается ответами на претензии? – удивилась Аристарховна.

– Да с год уже. Мы как-то пожаловались, она сказала, что может помочь. Вот она нас постоянно выручает. А в международнойке они там вообще сразу все на нее сбрасывают.

Ольга Аристарховна умела складывать два и два и потребовала от бухгалтера всю юридическую переписку с недовольными за год. Ей принесли увесистую пачку. Претензии и ответы на них напоминали увлекательный роман в письмах,

в отдельных местах Ольга Аристарховна смеялась до слез. Однако, при всем этом, начальница вспомнила, что количество судебных исков по претензиям за последний год резко снизилось, а те суды, что состоялись, были выиграны все до одного.

– Галя, – позвала она главного бухгалтера, – а кто представляет наши интересы в судах?

– Так Марьяна же просит какого-то своего знакомого юриста. Доверенность у нас по шаблону, она Ваше факсимиле ставит. Оплата мизер, так, через Марьяну передаем небольшие суммы, нам выгодно. Что-то не так? – встревожилась хранительница закровов.

– Нет, все хорошо! Придет Марьяна, ко мне позови.

Когда рыжеволосая копна нарисовалась в кабинете, Ольга Аристарховна, не сдержав улыбки при взгляде на кипу ответов, коротко спросила:

– Шедеврально! Кто?

– Муж, – так же коротко выдала Марьяна.

– Приводи, – подытожила директриса.

Ванечка стал юристом компании по совместительству. После университета мчался в офис, разгребал переписку, проверял договоры, составлял ответы на иски, когда нужно, ходил по судам. Платила Ольга Аристарховна щедро и регулярно, беготня по многочисленным подработкам ушла в прошлое. Но, самое главное, не нужно было ждать, иногда до глубокого вечера, возвращения жены домой. Ваня выпросил

стол в соседнем отделе и через перегородку, то и дело отрываясь от экрана монитора, любовался Марьяной.

Эгоистично, но больше всего, он любил, когда отдел Марьяны работал с «проблемными» туристами. Клиент на взводе – ему не подтвердили отель, перенесли рейс, задерживают визы. Сточные воды накопившегося недовольства готовы вылиться на бедную Марьяшу (Иру, Лену, Люду и так далее). И здесь начинается мистерия. Увертюра – лебединые взмахи руками, разворачивание монитора к туристам, акцент внимания на гнусных деяниях (туроператора, посольства, авиакомпании – нужно подчеркнуть). Акт первый – отвлекаемся от монитора, фокус на турагента, подрагивающие губы, влажные глаза («Марианские впадины», как шутили в агентстве), короткая ария о полной разделенности праведного гнева. Зритель, то бишь клиент, переживает смену эмоций. Акт второй – танец полного сочувствия, наклон головы к клиентам, рыжая (блонд, нуар, каштановая) копна падает на лицо, новым лебединым взмахом руки небрежно возвращаем волосы обратно, затем руки прижимаются к высокой груди. Клиент дезорганизован и одновременно заморожен. Акт третий – комическое интермеццо, отсылающее к истории неких, но реальных туристов, которые из-за упрямства вообще никуда не улетели, легкая улыбка, переходящая в нарастающий, иногда неповторимый, смех. Туристы понимают, что их положение не безнадежно. Акт четвертый – ария резонера, открытые локти ложатся на стол, к клиенту пода-

ется уже вся верхняя часть корпуса, озабоченные глаза, понимание того, что ехать все-таки лучше, чем не ехать, сроки сдвигаем, это стоит еще немного денег, сущие пустяки. Турист полностью согласен, в том числе по вопросу пустяков. Эпилог – радостный хор всех исполнителей мистерии, приход к консенсусу, вставание из-за стола (в особо тяжелых случаях – выход на авансцену и проход до дверей), демонстрация безупречных фигур, клятвы в вечной любви и предложение дружить домами. Перезакключаем договор. Зачарованный Ваня вздрагивал при слове договор, смотрел на часы и понимал, что опоздал в суд.

Когда он говорил Ольге Аристарховне, что получил работу мечты, та понимающе улыбалась...

Все это, от визита братков до решения, только что озвученного директрисой, в несколько мгновений волнами прокатилось по памяти Марьяны. Она все понимала. За себя она не переживала. Но Ваня... Её Ванечка! Бросить его в самое пекло этого дурдома, заставить обслуживать этих пафосных, вечно чем-то недовольных, постоянно готовых к агрессии, заносчивых нуворишей? Ему, который в сто раз умнее, благороднее, лучше, нужно будет... И тут Марьяна приняла решение. «Оргвопросов», форс-мажоров, рекламаций, планируемых и незапланированных задниц у Вани не будет. Он просто летит в путешествие на чемпионат. Подняв глаза на Ольгу Аристарховну, Марьяна с искренней теплотой сказала:

– Хорошо. Спасибо, что за ваш счет. Мы с Ваней будем очень благодарны.

Здесь, уже по традиции, в дверь просунулась блондинистая голова Ленки и, делая глаза и одновременно давясь от смеха, выдала:

– Я извиняюсь, Ольстраховна (директриса уже привыкла к этим сокращениям)! Марьяш, там к тебе опять твой Дояркин припёрся!

О лошарности британских ученых

Визиты Геннадия Роальдовича к Марьяне, действительно, носили регулярный характер и были иррациональны даже с учетом теории психических девиаций британских ученых. Обычный (то есть каждый) сумасшедший турист испытывает паранойю по многим пунктам: а) забронирован ли его тур; б) перечислены ли деньги туроператору; в) а какой самолет будет; г) а почему «Боинг», мы больше любим «Эйрбас», давайте менять; д) а европейского ли уровня этот отель; е) как не европейского? как это в Турции отели лучше, чем в Европе? ж) так забронирован ли тур; з) деньги туроператору перечислили, а дайте номер заявки... и так далее по бесконечному кругу. Гену же эти вопросы не интересовали вовсе.

Он приходил, искал цыганскими глазами Марьяну, та уволакивала его в укромный угол, чтобы не разглашать и без того вылезшую наружу информацию, и начинался очередной раунд переговоров, бессмысленный и беспощадный. Гена, немного привыкнув к Марьяне, которую поначалу, как и Ярик, принимал за экзотическую говорящую птицу, расслабился и пытался общаться на разные темы. Однако, каждый раз, начиная фразу с целью рассказать, какой дом он начал строить у себя в поместье или как крутил в юном возрасте хвосты быкам и коровам, в конце ее он приходил к вопросительной знаку, который, если отбросить возраставшую ин-

вективную лексику, выглядел как: «А губер точно летит?»

Марьяна отвечала терпеливо и коротко. «Места забронированы». «Пока ничего не изменилось». «Каких-либо указаний не поступало». «Я уже говорила». «Может, Вы уже пойдете?». «Вы спрашиваете меня об этом в третий раз, и я Вам так и не ответила. Зачем же Вы спрашиваете снова?». Гена нехотя уходил, на следующий день, максимум через два, все повторялось. Если сначала Марьяна ждала дня «X» со страхом, то из-за Дояркина ей овладело нетерпение.

День, точнее ночь «X», настала. Вылет был назначен на три ночи. С полуночи народ начал подтягиваться к зданию аэропорта. Оценивая психоэмоциональное состояние прибывающих, Ваня развлекал Марьяну:

– Ты знаешь, я пришел к выводу, что за исключением исследований о проценте психических девиаций населения, пресловутые британские ученые занимаются полной *absurdité*! Хрень, бессмысленная трата денег английских налогоплательщиков. Между тем, я не нашел ни одной серьезной работы, объясняющей тягу выезжающих к потреблению в больших количествах этилового спирта. Не решен также вопрос, почему в весьма богатом спектре мирового алкоголя вылетающие предпочитают пиво и виски – напитки достаточно грубые и невзыскательные. Причем этот феномен не имеет в целом национального оттенка, те же бритты, кстати, квасят больше нашего. Поэтому британские ученые зря едят свой хлеб. Одним словом, лошары. Да ты сама посмотри, из

всех присутствующих трезвы только ты, я, Ольга Аристарховна, но она провожающая, и, надеюсь, пилоты самолета.

Перрон перед входом, зал регистрации и накопитель после пограничного контроля напоминали одну огромную свадьбу, перешедшую к фазе конкурсов. Виски и пиво лились со скоростью Рейхенбахского водопада. Сотрудники Duty Free аплодировали.

Никто не понял, как и в какой момент к залу международных вылетов подкатил автобус, сопровождаемый «Мерседесом». Марьяна с Ольгой Аристарховной с тревогой переглянулись – подобный трансфер не входил в сценарий. Ситуация окончательно перетекла в стадию сюр, когда из открывшейся двери строем, в полной парадной форме, вышел военно-духовой оркестр, включая огромный барабан с тарелками. Выстроившись в ряды, музыканты грянули «Прощание славянки». Марьяна оцепенела. Ольга Аристарховна рванула сквозь строй, пытаясь понять, что, собственно, происходит. Дирижер отмахивался от директрисы, сбивая музыкантов с ритма. Счастливики из вылетающих, находившиеся перед входом в здание, в экстазе салютовали музыкантам стаканами, неудачники из накопителя прильнули к стеклянной стене.

Объяснение происходящему выкатилось из сопровождающего «Мерседеса». Еле стоящий на ногах Дояркин пьяным взглядом выцепил Марьяну и по блуждающей траектории пошел к цели:

– Ну, мля, как я, а, нах? – При этом голова его дергалась по сторонам. – Проводы, нах, по высшему, мля. Василич любит. Где он?

Марьяна и Ольга Аристарховна с трудом пришли в себя.

– Еще не подъехал. Во всяком случае, не видели.

Дояркин заволновался.

– Ты же, нах, говорила, что он с нами полетит, мля! Где губер?

– Геннадий, мне не докладывают! Наверняка Федор Васильевич пойдет через депутатский зал. Не идти же ему со всеми в общей очереди!

Гена дернулся в сторону ВИП-зоны, но, естественно, был остановлен службой охраны. В каком-то угаре он кружил по площадке под «Амурские волны», периодически попадая в такт музыке и порождая эффект танцующего гиппопотама.

Первой очнулась Ольга Аристарховна и положила конец этой фантазмагории.

– Так, все! Регистрация заканчивается! Геннадий Роальдович, бегом в самолет, там будете искать, кто Вам нужен. Марьяша, вот мобильный телефон служебный, один на двоих, тарифы адские, постарайтесь только по необходимости. Это наличные на непредвиденные расходы, потом составите полный отчет со всеми подтверждающими. Ванечка, помогай жене. К черту! То есть с Богом! Я хотела сказать, ни пуха!

Подхватив Дояркина, Марьяна с Ванечкой невероятными усилиями протащили его через регистрацию и паспортный

контроль. Оркестр напоследок урезал марш «Тоска по Родине». На спецдосмотре депутат не смог самостоятельно вытащить из брюк ремень. Эту операцию проделал Ваня, причем в какой-то момент ситуация приняла двусмысленный характер. Сотрудники аэропорта испытывали смешанные чувства смятения и восторга.

На плечах внесли Дояркина в самолет. Салон напоминал Ноев ковчег, причем отдельные пассажиры уже вполне дошли до состояния тех, кого по паре отбирал ветхозаветный патриарх. Среди остальных царила атмосфера тотального братания. Она и спасла Марьяну. Кто-то сунул Геннадию Роальдовичу стакан виски, депутат рефлекторно опорожнил его и, пройдя несколько шагов, рухнул на первый ряд кресел, заняв все три сиденья.

– Вообще-то это места для губернатора, – забеспокоилась Марьяна. – Надо его перетащить на его место.

Поднять двадцатикилограммовое бесчувственное тело оказалось невозможным. Марьяна нервничала. Но и губернатор все не появлялся. Не выдержав, Марьяна набрала известный номер.

– Антон, скоро взлет, а Вас с Федором Васильевичем нет. Что мне делать? У нас тут, кстати, небольшая... – Марьяна с сомнением покосилась на лежащего Дояркина, – точнее, не такая уж небольшая, проблема с местами, и я даже...

– Марьяна, мы здесь, в депутатском зале, – перебил её Петрик. Марьяна сделала Ванечке глаза. – Но на рейсе нас

не будет. Федора Васильевича срочно вызвали в Москву, я вчера уже не стал Вам говорить. Места сохраняем, шеф потом все равно прилетит регулярным рейсом. Брони отеля тоже сохраняем. По поводу обратного вылета так же ничего не отменяем, а там, как сложится. Удачи.

В трубке раздались гудки. Ваня вопросительно смотрел на Марьяну. Та кисло улыбнулась мужу:

– Что советуют британские ученые в плане способов усмирения туристов, которые уже родились с психическими и умственными отклонениями? Ничего? Лошары!!! Тогда пристегивайся сильнее.

«Фигура вторая – разлучная»

Любой план хорош до тех пор, пока что-то не пошло не так. В голове Марьяны крутилось как минимум полтора десятка вариантов, как избежать надвигающегося кошмара. В общих чертах стратегия складывалась следующая: быстрее всех оказаться у трапа, пройти паспортный контроль, сдать сто сорок изрядно утомленных, но непобежденных тел на руки представителю принимающей стороны, выпросить у него индивидуальный трансфер и улизнуть в свой отель. При этом избежать любых контактов с Дояркиным.

Первая трещина в этом, в общем то, гениальном наброске наметилась часа через полтора после взлета.словно черная морская рогатая мина на поверхности вод, над спинками первого ряда кресел всплыла всклокоченная цыганская шевелюра Дояркина. Ваня, увидев помятое страдальческое лицо, не удержался и процитировал Марьяне Радищева: «Я взглянул окрест меня, и душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Легкая улыбка на губах жены отчасти объясняла, что, помимо прочего, не превратило ее брак в мучения.

Дояркин именно что поводил головой окрест. Ваня, хотя и сидели они в конце первого салона, предусмотрительно укрыл Марьяну пледом. Из-за этого мучавший его вопрос депутат адресовал неопределенному кругу туристской мас-

сы:

– Губернатор где?

Ему дружно ответили в известную рифму. Ответ неожиданно каким-то образом удовлетворил владельца исторической недвижимости, и он рухнул обратно в кресла. Минут через тридцать все повторилось. Марьяна поняла, что надо брать ситуацию в свои руки.

– Александр Александрович, – шепнула она представителю авиакомпания, сидевшему впереди, – а можно покормить пассажиров прямо сейчас.

– Можно, Марьяночка, а почему именно сейчас?

– А потому, что во время обслуживания перемещения же по салону затруднены?

– Вообще не рекомендованы, – улыбнулся представитель и подозвал бортпроводников.

О дальнейших манипуляциях Марьяны Ваня выразился в том духе, что её тактика маскировки в ограниченном пространстве вполне может заинтересовать службы как внешней, так и внутренней разведок. Самолет шел на спасительное снижение.

Нет таких крепостей, которых, как справедливо изволил выразиться классик, не могли бы взять большевики, и не было преград (кроме Вани), которые не позволили бы Марьяне первой выйти из зоны паспортного контроля.

На парковке их уже ждал Жоао, представитель португальской ДМС, кстати, очень прилично говоривший по-русски.

Сверяясь со списком, он с южной неторопливостью распределял прилетевших по трем автобусам. Утомленные перелетом любители футбола начали подавать признаки нетерпения. Запихнув последних, Жоао удовлетворенно подошел к Марьяне:

– Я поеду с первым автобусом, Марьяна будет сопровождать второй. А кто поедет на третьем?

Внутри у Марьяны все похолодело.

– Как я со вторым? Мы так не договаривались! Сопровождать по территории Португалии – обязанность принимающей стороны.

– Все верно, но Вы не представляете, какая нехватка сотрудников с этим чемпионатом. Совершенно нет людей. У нас не очень большая компания. Мы можем отправить два автобуса без сопровождающих, но могут быть проблемы с расселением. Водители совсем не говорят по-английски. Они только довезут до отелей, развернутся и уедут.

Из автобусов неслись возмущенные крики.

– А кто поедет с третьим автобусом? – недоумевала Марьяна.

– Пусть едет мой тезка, – рассмеялся Жоао. – Других вариантов все равно нет. Пойдемте, cavaleiro.

Ваня едва успел подхватить сумку. Жоао быстро упаковал его в автобус, махнул водителю рукой, дверь захлопнулась, и автобус покатил в португальскую даль. Марьяна, осознав ужас произошедшего, успела лишь обернуться и, натураль-

но, превратиться из жены Ивана в жену Лота. Жоао осторожно потрогал живое изваяние и пропел:

– Пора ехать.

Марьяна обреченно побрела к автобусу и поднялась по ступенькам как на Голгофу. На первом сиденье, скрестив в руки, в позе пятого прокуратора Иудеи Понтия Пилата восседал депутат Дояркин.

* * *

Трудно сказать, как так получилось, но последние наставления Ольги Аристарховны распределились следующим образом – Марьяне достался служебный и ее собственный (в целях экономии тоже один на двоих) мобильники, Ваня же укатил со всеми деньгами, включая пакет, полученный от директрисы в аэропорту.

Переживать за себя Марьяне не дал возможности Дояркин, требовавший немедленно, любыми способами сконнектить его с «Василичем». Впрочем, она за себя не особенно и переживала, все ее мысли были сейчас во втором автобусе. Как он со своим французским и интеллигентскими манерами будет общаться с представителями отелей? Как расселит эту распальцованную орду? Как он найдет потом её, Марьяну? От тревоги за Ваню, а заодно от волеизъявлений Дояркина ее спасли остальные туристы, слегка пришедшие в себя и требовавшие духовного обогащения. Марьяна, что-

бы отвлечься от тревожных мыслей, схватила микрофон и постепенно превратилась в прежнюю экзотическую говорящую птицу. Она словно вернулась на несколько лет назад, заново гуляя по улицам с изразцовыми домами, слушая напевы фаду, присаживаясь за столики, выставленные на площадях, тянула тягучий порто, заходила в магазины, пытаясь понять, что можно увезти с собой, а что – навсегда сохранить в сердце. Эта страна всегда представлялась ей магеллановым кораблем, выходящим из устья реки Тежу в океан, и, словно снова стоя на берегу Кабо де Рока, она видела себя на мостике каравеллы, до отказа забитой бочками с вином, жемчугами, пряностями и золотыми эскудо...

Слушали, как всегда, зачарованно. Когда подъехали к первому отелю, первая партия отказалась выходить и потребовала, чтобы Марьяна осталась с ними, заявив, что остальные «не графья, и так доедут». Возник легкий конфликт интересов, который с трудом удалось разрулить. Марьяне пришлось выдать номер служебного мобильного и пообещать вернуться.

Следующей задачей было, как можно быстрее, сплавить Дояркина. Марьяна пыталась пояснить водителю, в какой отель нужно ехать в первую очередь, но тот, сверяясь с картой, только мотал головой и мычал «é impossível». По закону подлости, отель, который забронировал Дояркин, был последним в этом анабазисе. Высадив группу, водитель, даже не попрощавшись, лихо развернул автобус на узкой улице

и скрылся за апельсиновыми деревьями. Депутат, получив ключи, не выказывал никакого желания «идти в номера». Преградив Марьяне пути к отступлению, он приступил к экзистенциальной пытке, требуя выдать явки, пароли и адреса, то бишь текущее местонахождение губернатора. Не выдержав, Марьяна призналась, что губернатор первым утренним рейсом вылетел в Москву по требованию «Самого». Думал Геннадий Роальдович недолго:

– Покупай мне, мля, срочно билет в Москву, нах!

Марьяна остолбенела.

– Вы понимаете, что сейчас в Москву можно только на регулярном рейсе? Надо смотреть расписание, стыковки. У меня с собой ни компьютера, ни ноутбука.

Гена пошарил взглядом и идентифицировал слово «компьютер» с агрегатом, стоящим на стойке ресепшн.

– Вон, мля, компьютер стоит. Держи полтинник, дай им, нах, пусть посмотрят.

Марьяна, не в силах сопротивляться, сочинила на ходу полуправдоподобную историю, согласно которой «senhor turista russo» нужно срочно лететь обратно. Портье страшно удивился, но от пятидесяти евро не отказался. Марьяна, оказавшись перед компьютером, словно оказалась в привычной среде и немного успокоилась. Написав письмо в представительство «Аэрофлота», она погрузилась в мысли о Ванечке. Через некоторое время ее отвлекла громкая и, что характерно, русская речь. Не услышать было невозможно. Вникнув

с содержание, Марьяна предположила, что кто-то прямо в лобби, если не занялся сексом по телефону, то явно вел беседы эротического содержания. Голос, естественно, был знакомый.

С ужасом выбежав из-за стойки, она увидела очередную сюрреалистическую картину. Депутат, развалившись на диване, громко беседовал по мобильному с какой-то барышней, которая, судя по всему, мало того что вела игривый диалог, но и в довершение всего находилась на расстоянии пяти тысяч двести пятнадцати километров от Геннадия Роальдовича. Марьяна, вопреки своему желанию, выяснила, на какой кровати и в какой позе сейчас находится девица, цвет и фактуру ее нижнего белья, и неизвестно, что узнала бы еще, но тут ее позвал портье, для которого, в силу языковых различий, происходящее оставалось совершенной загадкой.

«Аэрофлот» прислал ответное письмо. Он также оказался заинтригован, кому за день до открытия чемпионата приспичило лететь обратно в Россию, но помочь мог мало чем – ближайший регулярный рейс на Москву был через два дня. Марьяна проинформировала депутата о текущем положении дел.

– И чего я, мля, два дня здесь делать, нах, буду?

– Отдохнете! Искупаетесь, позагораете! Подготовитесь к встрече с Федором Васильевичем. Сходите, в конце концов, на футбол. Мы Вам организуем развлекательную, – тут Марьяна запнулась, – программу. Завтра мы Вам привезем би-

леты на матчи. Да и ситуация может поменяться, надо подождать.

Геннадий после сеанса дистанционного петтинга пришел в благодушное настроение и дал сопроводить себя в номер. Профессиональным взглядом отметив, что губа у депутата не дура, Марьяна спустилась в лобби. И тут начал функционировать мобильник, номер которого она так щедро и опрометчиво, как Лжедмитрий свои обещания во время похода на Москву, раздавала туристам.

«У нас не открывается чемодан, сломался замок, персонал никак на это не реагирует, мы в отеле «Амбассадор», сделайте что-нибудь». «В номере отсутствует нормальный холодильник, а мы привезли с собой икру, колбаску, купорочку, как нам теперь быть?» «Мы не можем понять, какой у нас тип питания, а персонал не говорит по-русски. У нас какой тип питания?» «Марьян, мы тут в «Дом Жозе» продолжили слегка, ну как слегка, сама понимаешь, гы-гы. Не, мы норм, но у нас пропал Серега, мы переживаем, чтобы чего не случилось. Помоги найти. А еще лучше заваливай к нам, посидим. Ты мужа потеряла? Тем более заваливай, гыгы. Да, и с Серегой надо что-то решать». «Нас с друзьями поселили на разных этажах, а мы хотим рядом, сделайте что-нибудь». Пытка туристами продолжалась часа три. В короткие минуты перерывов между звонками Марьяна терзала Жоао, требуя выяснить, где Ваня. Тот в конце концов заявил, что автобусы ушли, туристы развезены, где Иван, пока неизвест-

но. Марьяна пришла в полное отчаяние. Туристы продолжали требовать любви и услуг. «У нас компания шесть человек, помните, все мужчины – Громов, Пищалин... ага, вижу, помните. Да, три номера. В двух отдельные кровати, а в третьем совмещенная. Я не могу с Пищалиным спать в одной кровати». «Мы нечаянно снесли раковину в ванной, нас отказываются переселять в другой номер, поговорите с ними». Когда раздался очередной звонок, Марьяна твердо решила, что с нее хватит, и сейчас она пошлет всех туда, куда туристические маршруты еще не проложены.

– Послушайте, но у вас же в отеле есть... – раздраженно начала она.

– Ку-ку! – голос Вани звучал словно с другой планеты. – Срочно говори город и адрес, где ты находишься.

О пользе изучения иностранных языков

Задыхнувшись от неожиданности и счастья, Марьяна молчала. Потом, очнувшись, заорала в трубку, как он смел так надолго пропасть, где он находится, жив ли он вообще, в том смысле, что цел ли, и как, собственно, он ее нашел.

– Слушай, я же без мобильного, заказал разговор на ресепшн, у них тут какая-то смешная система, как на переговорном пункте. Разговор по минутам. Просто скажи, куда мне ехать, я тебе потом все объясню. Только никуда не двигайся.

Марьяна диктовала адрес и повторяла его вновь и вновь, несмотря на то, что в трубке давно раздавались короткие гудки. Через полтора часа в лобби отеля, словно вернувшийся из завоёванных северных провинций римский император, через триумфальную арку, вкатил её несравненный муж. Уже в такси, бледный, с подрагивающими руками и абсолютно счастливый, он вздохнул рассказывал Марьяне о своем потрясающем experience.

– Едем, словно плывем, а плывем, будто корабль дураков на картине Босха. Капитан-шут, то есть я, всей своей фигурой подчёркивает, как того и хотел художник, бессмысленность происходящего. Аутодафе началось минут через тридцать, народ потребовал провести брифинг, то есть стал зада-

вать вопросы. У тебя тоже? А, ну тогда ты меня понимаешь и жалеешь! Я, натурально, ни в зуб по конкретной части, надо было мне, мизераблю, перед отлетом поучиться и заказать у тебя пару сеансов магии с полным ее разоблачением. Ну, вспомнил аспирантуру и великую португальскую литературу и начал с истоков, хотя вру, на самом деле века так с четырнадцатого. Они мне – какие экскурсии можно купить, я им про отвоевание Иберийского полуострова у мавров в ходе Реконкисты! Они – где взять в аренду машину, я – про вторжение Наполеона. Точкой соприкосновения стала знаменитая история бракосочетания короля Педро и его возлюбленной Инеш де Каштру, правда, чем больше я нагнетал трагизма в этой драматической истории, тем больше они ржали. Удивительно, как по-разному можно смотреть на вещи. Приезжаем. Водитель жестами приказывает очистить палубу этого корабля. Выходим и понимаем, что автобус, словно буриданов осел, стоит ровно между двумя отелями. «Громада двинулась и рассекает волны, плывет. Куда ж нам плыть?» В том смысле, с кем мне? Одни орут, чтобы я в первую очередь расселял их, вторые требуют того же самого.

– И как же ты определился, родной? – слезы и смех захлестывали Марьяну.

– Натурально, посмотрел, какие выглядят поинтеллигентнее, и бросил их. Побежал к тем, среди которых преобладали типажи вроде Ярика – уж эти точно бы мне не простили. На ресепшн пытаюсь объяснить, что привезли «руссо туристо»,

надо расселять, и все это на практически безупречном французском языке. Ну, может быть, с легким туренским акцентом. Никакой реакции. Лопочут что-то на твоём варварском английском. Понимаю, что нужно выкручиваться, начинаю вспоминать наши с тобой путешествия, как ты общалась в отелях. Ей-Богу, если бы не ты, пришли бы. Ну и лекции по языкознанию в универе, конечно. Сначала выстраиваю простейшую фразу в уме, потом тупо подставляю в таком же порядке те английские слова, что слышал от тебя. О презент континиум и всяких паст индѣфинит думать, как ты понимаешь, некогда. В общем, с легким французским прононсом, но на твердом рязанском диалекте уверенно выдаю в эфир – «Айм зе груп лидар. Зис туристс лив ин зис хотэл. Гив аз, плиз, зе кей».

– Them, – машинально поправила Марьяна, глядя Ванечку по лицу. – Не «аз», а «зэм». И не «кей», а «кийз», во множественном числе.

– Возможно! Но с изумлением вижу, что он понимает. Профессор, он понимает! На глазах Шарик, то бишь я, вырастает в высокоорганизованную личность. Он чего-то мне говорит, из всего улавливаю только слово «passports». Courage, говорю я себе, и бросаюсь дальше в атаку. Поворачиваюсь к группе, которая с благоговением внимает нашей беседе. Говорю, давайте паспорта и заселяйтесь, все готово к вашему приезду. Оказывается, угадал!!! Народ ринулся к стойке, я уже на правах настоящего «груп лидар» командую:

«В очередь, сукины...» то бишь, «не торопитесь господа». Пока им выдают ключи, бегу ко второй группе. Там та же самая картина, но я то, того... английский то я знаю!!! Бегал туда-сюда раз десять. Общаюсь. Там, где не хватает слов, показываю знаками. Они, что удивительно, продолжают понимать. Возвращаюсь в первый отель, чувствуя себя полубогом. И, естественно, немедленно расплачиваюсь за гордыню. В лобби выскакивает разъяренный турист Самсонов и орет, что у них в номере нет нормального холодильника, а они, видите ли, привезли с собой половину Центрального рынка. У тебя тоже такое было??? Поразительно, как схожи в своей гордости великороссы! В общем, бросается он ко мне с криком: «Ты же язык знаешь (Марьяна зашлась от хохота), переведи им, чтобы принесли холодильник».

От Самсонова, как ты понимаешь, просто так не улизнешь, он ведь и врезать может. Медленно иду к ресепшн. В голове крутится песня «Битлз» – «все, что тебе нужно, – любовь». Нужно – «нид». И вдруг понимаю, как построить фразу. словно лондонский кокни, подкатываю к портье и вальяжно начинаю: «Икскьюз ми, сир, уи нид...», нет, не так, протяжнее – «ниид»... и с ужасом понимаю, что вообще, совсем не знаю, как сказать «холодильник»!

– И как же ты выкрутился?

– Исключительно с помощью высших психических функций, относящихся к накоплению, сохранению и воспроизведению знаний, умений и навыков. Помнишь, ты рассказыва-

ла про свою любимую преподавательницу, которая учила вас не бояться говорить: «Если не помните, как по-английски бык, говорите «муж коровы».

– Ииииии?

– Вспомнил, что по-английски холод «айс»...

– Вообще-то «cold».

– Да? Ну, видимо, еще не до конца я знаю английский. В общем, подхожу и уверенно заявляю: «Икскьюз ми, сир, уи ниид... айс-камера»!!!!

– Чтоооооооооо? О, Господи!!!!

– Да-с! У портье приблизительно такая же реакция! Он безумными глазами смотрит на меня, я успокоительно подмигиваю Самсонову, Самсонов с подозрением смотрит на портье! Я, округляя английскую «р», повторяю, «айс-камеа», знаете ли. Одновременно закатываю глаза Самсонову – дескать, английский у них – ниже плинтуса. Тот понимающе кивает в ответ. Словом, жизнь моя, да что там жизнь – честь! – поставлена на карту. И тут портье понимает! Просто, по-человечески – понимает! Хороший мужик, когда поедем билеты туристам раздавать – зайду поцелую его, если захочет! И чего-то лопочет в ответ! Я торжественно «перевожу», что «айс-камеру» скоро принесут в номер. И пытаюсь улизнуть. Самсонов, естественно, перекрывает мне путь – боится упустить ценного переводчика. Не уходи, говорит, а то ж я не смогу им ничего объяснить. Пойдем пока в номер пива выпьем. Заходим в номер, он сует мне трубку в лицо –

закажи пивка, я ж языками, говорил тебе, не владею. Сюр, одним словом. Ну, кнопку «рум сервис» я еще с тобой нажимать научился. Звоню и требую «гив ми, плиз, бир ин зе рум намба – какой у вас номер, напомните – ага, рум намба сри севен сри». При упоминании номера комнаты жена Самсонова вздрагивает и возмущенно заливается краской. Я ее, в общем-то, понимаю. На том конце провода чего-то отвечают, контекст – какое, вам, дескать, на розлив или бутылочное. Запомнить «на розлив» не успеваю, приходится, к сожалению, выбрать «боттл». Сколько, спрашиваю Самсонова, «боттл» заказывать? Ага, хорошо – «гив ми, плиз, сикс боттлз».

Выпили. Самое невероятное, что в этот момент действительно приносят холодильник. Ну, как холодильник – еще один мини-бар. Самсонов начинает орать, что у него все не поместится, и требует перевести это все сотрудникам слово в слово, не исключая матерных инвектив. Я, растягивая слова, говорю, что нам нужна «биг айс-камера». Те чего-то отвечают, я по движению голов понимаю, что миссия невыполнима. Самсонов требует дословного перевода. Ну, фантазия-то у меня богатая, а легкости моего слога, как говорится, позавидовало бы солнце русской поэзии. «Перевожу», что по правилам пожарной безопасности холодильники выше установленных размеров в номерах категорически запрещены, могут поставить только такой, но, если господину туристу будет угодно, они готовы принять его продукты на от-

ветственное хранение и поместить их в промышленный холодильник на ресторанной кухне. У Самсонова срабатывает мелкособственнический инстинкт, сотрудники покидают номер, получив вместо чаевых набор непереводаемых русских идиом.

Однако, проблема остается с нами. Самсонов чешет репу, я, соответственно, тоже. Меня вновь охватывает вдохновение, я бросаюсь к мини-бару и вынимаю оттуда все перегородки. То же проделываем с имеющимся ранее. Трамбуем туда большую часть из привезенного. Остальное жена Самсонова, добрая душа, предлагает съесть на брудершафт. В общем, номер я покидаю, будучи членом семьи, и отныне Самсоновы будут летать только от тебя. Правда, дать мобильник позвонить тебе отказались, дескать, разрядился. Хотя я их понимаю, «Ольстраховна» права – тарифы адские.

Опускаюсь вниз (господи, что я говорю, как быстро я действительно «опустился»). Спускаюсь в лобби, подхожу к ресепшн, у портье сразу глаза как у мучеников-первохристиан. Айм ниид, говорю, зе телефон. Ай вонт ту мэйд колл!

– Ой, мамочки, я больше не могу! Перестань!

– Да ладно, они уже привыкли ко мне. Сует бумажку, я понимаю, что нужно написать номер. Пишу твой мобильный, он показывает на какой-то закуток. Там висит проводной аппарат. Как на переговорном пункте. Поднимаю трубку и... «и я у Ваших ног. Ну поцелуйте же, не ждали?». Двадцать евро за минуту разговора.

– Ой, не могу больше! – Марьяна покрывала поцелуями лицо мужа.

– Вот! Выхожу, небрежно бросаю – айм ниид зе тэкси! Портье с облегчением бросается заказывать. Нас с тобой разделяло, как выяснилось, более ста пятидесяти километров...

Уже ночью, добравшись в свой отель и выйдя прогуляться на берег, счастливая Марьяна, обняв мужа, мечтательно сказала:

– Ты, конечно, мой герой. Но теперь-то ты понял, что твое франкофильство приносит плоды только где-то между Мон-мартром и Шанз-Элизе? Без английского ты пропадешь, как твоя наполеоновская гвардия на Березине.

– Абсолютно права, – мечтательно глядя на ночной океан, согласился Ваня. – Без английского сейчас никуда! Хорошо, что я его уже знаю.

Икона стиля

Когда слава бежит впереди тебя, важно удостовериться, что это не бег по кругу. Иначе можно оказаться затоптанным ее ненадежно подкованными копытами. Самоуверенности мужа Марьяна буквально на следующий день нашла неожиданное подтверждение, но ключевым оказалось слово «неожиданное».

Утро началось неоднозначно. Вместо брокера в номере нарисовался курьер с пакетом, в котором была партия билетов только на первый матч группового турнира. Прикинув, что ездить придется много и не раз, решили взять напрокат машину.

– Ты оформляй этот, как его – rent-a-car, а я пошел решать задачу посложнее, – объявил жене Ваня.

– Это какую ж, интересно?

– Покупать карту автомобильных дорог, конечно! Кстати, как по-английски «карта»?

– Ты же вчера говорил, что уже знаешь английский?

– Конечно знаю! Просто отрабатываю произношение!

Марьяна произнесла. Ваня вздохнул:

– Говорил же, варварский язык. Один слог, а какой – «а» или «э» – не поймешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.